

Л.И. Аксельрод

Философские Очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.И. Аксельрод**
Философские Очерки / Л.И. Аксельрод – М.: Книга по Требованию, 2024. –
241 с.

ISBN 978-5-517-84058-5

ISBN 978-5-517-84058-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этотъ сборникъ вошли пять статей, которыя были напечатаны въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Первая же статья сборника, „Двойственная истина въ современной нѣмецкой философіи“, написана теперь и появляется въ печати впервые,

Несмотря на то, что эти статьи посвящены критикѣ различныхъ авторовъ, сборникъ представляетъ собою единое цѣлое, такъ какъ въ общемъ всѣ статьи занимаются критикою современныхъ идеалистическихъ теченій и защитой діалектическаго матеріализма. Но это же самое обстоятельство сдѣлало неизбѣжнымъ повтореніе—хотя незначительное—нѣкоторыхъ положеній, вызванное сходствомъ направленій разбираемыхъ мною авторовъ. Повторены также въ первой и послѣдней статьяхъ нѣкоторыя главные принципы ученія Канта и нѣкоторыя цитаты изъ „Критики чистаго разума“. Эти положенія имѣютъ главное, первостепенное значеніе въ критической философіи, и потому до такой степени связаны со всѣмъ ходомъ мысли этого ученія, что я ихъ никоимъ образомъ не могла опустить въ первой статьѣ, несмотря на то, что они отмѣчены въ послѣдней. Кромѣ того, всѣ повторенныя положенія имѣютъ иное значеніе въ каждой отдѣльной статьѣ, такъ какъ они связаны съ различными оттѣнками идеалистической философіи и преслѣдуютъ такимъ образомъ въ каждой изъ нихъ особую критическую цѣль. Это, несомнѣнно, читатель замѣтитъ, и потому, надѣюсь, не поставитъ мнѣ въ упрекъ повтореніе этихъ мѣстъ.

Еще два слова. Я позволила себѣ помѣстить въ этотъ сборникъ небольшую статью: „Новая разновидность ревизионизма“. Очень прошу читателя не забывать о ея глав-

ной цѣли. Какъ это замѣчено въ этой же статьѣ, я не имѣла въ виду изложеніе и критику теоріи познанія Авенариуса и Маха. Моя задача состояла лишь въ томъ, чтобы показать невозможность построенія материалистическаго объясненія исторіи на основѣ субъективной теоріи познанія эмпириомонизма. Эта скромная задача можетъ быть, какъ мнѣ кажется, выполнена въ небольшой статьѣ. Ибо всякій мыслящій человекъ легко пойметъ, что *признаніе объективной законности въ исторіи не можетъ уживаться съ отрицаніемъ дѣйствительности природы и объективной законности вообще*, короче, что „махизмъ“ является прямой противоположностью марксизма. Кромѣ того статья „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ“, занимающаяся опроверженіемъ основныхъ положеній имманентной философіи, опровергаетъ также главные принципы міровоззрѣнія Маха, такъ какъ имманентная философія тождественна по своему существу съ философскими взглядами послѣдняго. Нѣкоторымъ доказательствомъ философской солидарности Маха съ главнымъ представителемъ имманентной школы, Вильгельмомъ Шуппе, можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что Махъ посвятилъ свое произведеніе: „Erkenntniss und Irrtum etc“ (Leipzig 1905) философскому учителю г. П. Струве—Шуппе. Если философскій учитель г. Богданова посвящаетъ свое произведеніе учителю „критическаго періода“ г. П. Струве, то г. Богдановъ долженъ послѣдовать примѣру своего учителя и посвятить свои произведенія русскому ученику Шуппе, г. П. Струве.

Авторъ.

Бернъ, апрѣль 1906.

Двойственная истина въ современной нѣмецкой философіи.

Das richtige Denken ist das Kennen und Erkennen der Sache, und unsere Erkenntniss soll daher wissenschaftlich sein. *)
Hegel.

I.

Всѣ крупныя философскіе писатели нашего времени констатируютъ фактъ сильнаго оживленія въ философской мысли. И каждый изъ этихъ писателей старается дать объясненіе философскому возрожденію.

Вундтъ и за нимъ Кюльпе полагаютъ, что причину этого характернаго, знаменательнаго явленія слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ преувеличенномъ увлеченіи чистымъ эмпиризмомъ, съ другой стороны, въ основныхъ и вѣчныхъ свойствахъ человѣческаго духа. Современная положительная наука развѣтвляется на безчисленное множество областей. Каждая отдѣльная область, обогащаясь все болѣе и болѣе новыми изслѣдованіями, достигла такихъ широкихъ размѣровъ, что недостаточно человѣческой жизни для того, чтобы овладѣть ею всецѣло. Нѣтъ поэтому ни малѣйшей возможности выработать себѣ общее міросозерцаніе на почвѣ точнаго опыта. Наша же нравственная и духовная природа насквозь проникнута неизмѣннымъ и непреодолимымъ стремленіемъ объяснить себѣ мірозданіе въ его цѣломъ. Человѣкъ хочетъ и долженъ опредѣлить свое мѣсто во вселенной, онъ нуждается въ полной, ясной и законченной оцѣнкѣ, какъ своего собственнаго бытія,

---

*) Истинное мышленіе состоитъ въ знаніи и познаніи вещи, и наше познаніе должно быть поэтому научнымъ.

такъ и бытія окружающаго міра. Эту основную потребность человѣческаго духа не могутъ успокоить сухіе и *равнодушныя* выводы положительнаго знанія. Только метафизика, эта „царица всѣхъ наукъ“, способна пополнить этотъ пробѣлъ.

Въ такомъ же приблизительно смыслѣ высказались сотрудники сборника: „Zu Gedächtniss Kants“. Они признали прямо или косвенно настоятельную необходимость въ метафизикѣ, а нѣкоторые изъ нихъ пошли еще дальше: они требуютъ возрожденія религіи. Въ специальной брошюрѣ, опубликованной подъ опредѣленнымъ и яснымъ заглавіемъ „Kants Verhältniss zur Metaphysik“, Паульсенъ приходитъ къ заключенію, что Кантъ не только не разрушилъ метафизики, а, наоборотъ, далъ ей настоящее обоснованіе. Мало того, Паульсенъ доказываетъ и, по нашему мнѣнію, вполне основательно, что система Канта проникнута по существу своему деизмомъ, и что она достигаетъ своего настоящаго завершения въ вѣрѣ въ бога. Возстановивъ истинный смыслъ критической философіи въ ея цѣльномъ историческомъ видѣ, Паульсенъ зоветъ назадъ къ Канту, но къ Канту не «разрушителю» метафизики и «критику» религіи, а къ Канту обоснователю и той и другой.

Въ послѣднемъ своемъ произведеніи: „Einleitung in die Philosophie der Gegenwart“ Риль придерживается въ общемъ своей прежней позитивной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе и этотъ позитивистъ сдѣлалъ огромные шаги по направленію къ метафизикѣ. Точная наука должна, по его мнѣнію, оставаться на позитивной почвѣ; природу необходимо разсматривать и изучать ея явленія посредствомъ механической причинности, коль скоро мы хотимъ добиться точныхъ, объективныхъ и вѣрныхъ результатовъ. Но точнымъ, положительнымъ опытомъ далеко не исчерпывается объемъ нашихъ духовныхъ стремленій. Есть другая, и для человѣка самая важная сфера познанія, которую нельзя объяснить съ помощью закона причинности. Точное изслѣдованіе говоритъ только о томъ, *что* и *какъ* происходило до сихъ поръ, но само по себѣ точное изслѣдованіе не даетъ намъ ни малѣйшаго указанія на то, что необходимо *должно* происходить. А вся наша практическая дѣятельность въ обширномъ смыслѣ этого слова имѣетъ своимъ предметомъ судьбы будущаго. Она сообразуется не только съ тѣмъ, что *было* и что *есть*, а сосредоточиваетъ свое главное вни-

маніе на томъ, что желательнo осуществить, иначе говоря, вся практическая область имѣетъ дѣло не съ безразличнымъ бытіемъ, а съ желательными идеалами. Поэтому наши практическія задачи и историческія цѣли, наши нравственныя требованія и стремленія къ новымъ цѣнностямъ невозможно вывести на основаніи причинной необходимости, онѣ являются продуктомъ нравственной оцѣнки, имѣющей своимъ первоисточникомъ моральную волю.

Зиммель точно такъ же, какъ Паульсенъ, требуетъ полнаго возрожденія системы Канта. Но расходится онъ съ Паульсеномъ въ оцѣнкѣ пониманія задачъ этой системы. Между тѣмъ какъ первый подчеркиваетъ, главнымъ образомъ, метафизическіе и религіозные результаты критической философіи, второй выдвигаетъ на первый планъ ея *критическій методъ*. По мнѣнію Зиммеля, Кантъ далъ законченную и исчерпывающую картину міра. Только эта система способна удовлетворить какъ запросамъ точнаго знанія, такъ и стремленіямъ человѣческаго духа. Зиммель съ большою рѣзкостью оспариваетъ тотъ взглядъ, будто Кантъ съ самаго начала подчинилъ наше мышленіе нравственной волѣ. Напротивъ того, философъ съ помощью мышленія и строгаго критическаго анализа доказалъ необходимость признанія послѣдней. Надъ философскимъ предпріятіемъ Канта вовсе не господствовалъ категорическій императивъ, какъ это думаютъ многіе; наоборотъ, тщательное, критическое изслѣдованіе нашихъ познавательныхъ способностей привело мыслителя къ категорическому императиву. Слѣдовательно, такъ какъ въ основу системы Канта положенъ критическій методъ, то и ея метафизическіе выводы ничего общаго не имѣютъ со старой догматической метафизикой.

Объ отношеніи познанія къ метафизикѣ и религіи высказался также Рикертъ. Модный у нашихъ русскихъ «критиковъ» типичный «схоластъ», Рикертъ не совсемъ доволенъ ученіемъ Канта; онъ зоветъ къ Фихте. Привлекаетъ его въ системѣ гениальнаго идеалиста послѣдовательное теоретико-познавательное обоснованіе религіи. У Канта остались, по мнѣнію Рикерта, слѣды стараго догматическаго дуализма между нравственной волей и теоретическимъ разумомъ. Этотъ дуализмъ былъ окончательно уничтоженъ болѣе послѣдовательнымъ Фихте, который довелъ

критическую философію до ея естественнаго, вѣрнаго и логическаго конца. Существенная поправка, сдѣланная Фихте къ философіи Канта, состоитъ въ томъ, что онъ связалъ теоретическій разумъ съ нравственной волей, *подчинивъ первый всецѣло второй*. Для Фихте, какъ извѣстно, сила обязательности, лежащая въ основѣ всякаго убѣжденія, не можетъ быть почерпнута изъ теоретическаго разума. Роль теоретическаго разума заключается только въ томъ, что онъ констатируетъ факты опыта такими, какъ они суть. Свойственная же всякому убѣжденію *принудительность* беретъ, поэтому, свое начало въ нравственной вѣрѣ. Всякому нашему убѣжденію, будь оно теоретическаго или практическаго характера, въ одинаковой степени присущи обязательность и необходимость.

Мы увѣрены, что данное наше сужденіе справедливо въ противоположность другому какому-нибудь убѣжденію, которое съ точки зрѣнія теоретическаго разума имѣетъ достаточную причину. Наша увѣренность—это главное, отличительное свойство истиннаго познанія—сводится, поэтому, въ конечномъ счетѣ къ нравственной оцѣнкѣ. Когда мы разсматриваемъ вселенную подъ угломъ теоретическаго разума, она представляется намъ въ видѣ полнаго безразличія. Она такова, какъ есть, и не можетъ быть иной, чѣмъ она есть; въ ней самой нѣтъ такой единицы измѣренія, съ помощью которой мы бы могли найти для нея оцѣнку. При такомъ взглядѣ на міръ нѣтъ мѣста тому, что мы считаемъ убѣжденіемъ, ибо убѣжденіе, основанное на нравственной оцѣнкѣ, имѣетъ своимъ предположеніемъ различіе между добромъ и зломъ. Разумъ же, для котораго все въ мірѣ *одинаково законосообразно и одинаково необходимо*, не знаетъ этого различія, составляющаго сущность истиннаго познанія. Источникомъ этой *сущности* является для Фихте и его запоздавашаго послѣдователя Рикерта вѣра въ сверхъопытный нравственный міропорядокъ. Дѣйствительное, реальное бытіе сверхъопытнаго міропорядка не можетъ быть теоретически обосновано. Но его бытіе и не нуждается въ теоретическомъ обоснованіи. Разъясняя мысль Фихте, Рикертъ говоритъ: «Вѣра, основанная на волѣ, есть скорѣе нѣчто абсолютно необходимое, коренящееся въ самомъ разумѣ, который считаетъ ее безусловной и для которой Фихте не только не требуетъ доказа-

тельство, а считаетъ ее самымъ вѣрнымъ изъ всего того, что существуетъ. Онъ не хочетъ доказывать бытія нравственнаго міропорядка, но онъ только потому отказывается отъ аргументаціи въ пользу такого бытія, что вѣра обладаетъ для него большей истинностью, чѣмъ какое бы то ни было доказательство» *).

Вставъ на такую почву, Рикертъ возстаетъ противъ метафизики. Метафизика, имѣя своимъ стремленіемъ умозрительнымъ путемъ обосновывать бытіе нравственнаго міропорядка, компрометировала религію, подрывая ее твердую основу, коренящуюся въ нравственной вѣрѣ. Своимъ содержаніемъ она не способна была удовлетворить ни научнымъ, ни религіознымъ требованіямъ. Человѣкъ науки искалъ въ ней логическихъ доказательствъ въ защиту реальности бытія сверхъестественнаго міра, а такихъ доказательствъ метафизика дать не могла. Человѣка же религіознаго она оскорбляла своимъ гипотетическимъ характеромъ, т. е. тѣмъ, что, считая нужнымъ *доказывать* вѣру, она ее ставила подъ знакъ сомнѣнія. Поэтому, соглашаясь съ религіозной мыслью Фихте и излагая ее, Рикертъ рассуждаетъ такимъ образомъ: «Фихте, который выработалъ абсолютный и высшій принципъ увѣренности въ сверхъестественномъ міропорядкѣ, поступилъ съ величайшей осторожностью, когда утверждалъ, что онъ намъ *данъ непосредственно* (курсивъ нашъ). Онъ показалъ, что безусловная необходимость заставляетъ насъ выходить за предѣлы чувственнаго міра и признать сверхчувственный міропорядокъ. Но анализировать содержаніе сверхъестественнаго міра, пытаться наполнять его реальными свойствами, которыя всегда берутся нами изъ міра чувственнаго, представлялось ему предпріятіемъ, лишеннымъ всякой цѣнности» **).

Отказываясь дать реальное опредѣленіе сверхъестественному міропорядку, Фихте считаетъ вѣру въ реальное бытіе личнаго бога идолопоклонствомъ. Такимъ рѣшительнымъ и для своего времени революціоннымъ выводомъ великаго идеалиста Рикертъ крайне недоволенъ. «Рели-

---

*) «Fichtes Atheismusstreit und die Kantische Philosophie» S. 6. 1899, Berlin.

***) Ibid. S. 25.

гіозное чүвство, говоритъ онъ, всегда будетъ возставать противъ такого бога, который не существуетъ реально, и съ понятіемъ высшей цѣнности, которую оно только знаетъ, оно всегда будетъ связывать понятіе реального бытія, на что религіозное чүвство имѣетъ безъ всякаго сомнѣнія полное право» *). Религія, рассуждаетъ Рикертъ дальше, не можетъ удовлетвориться чисто отвлеченнымъ отношеніемъ чловѣка къ сверхъестественному міропорядку, она нуждается въ личной предметной связи чловѣка съ богомъ. Чтобы удовлетворить эту потребность, слѣдуетъ придерживаться какой-нибудь опредѣленной выработанной исторической религіи, въ которой живетъ преданіе о личной, реальной связи какого-нибудь великаго чловѣка, или, какъ выражается Рикертъ, «религіознаго генія» съ богомъ. Такимъ образомъ Рикертъ приходитъ путемъ теоріи познанія къ устраненію метафизики и возстановленію религіи въ ея полномъ *догматическомъ*, церковномъ видѣ. Само собою разумѣется, что такой готовой исторической религіей является для Рикерта христіанство.

Въ этой краткой характеристикѣ мы хотѣли отмѣтить лишь главные основные мотивы, заставляющіе упомянутыхъ мыслителей возвращаться къ метафизикѣ и религіи. Между всѣми упомянутыми философскими писателями существуютъ серьезныя и весьма существенныя разногласія по многимъ важнымъ вопросамъ теоріи познанія, логики, психологіи и т. д. Тѣмъ не менѣе, несмотря на крупное различіе частныхъ взглядовъ, во всей современной философіи господствуютъ общія и всѣмъ мыслителямъ присушія главныя положенія, ярко опредѣляющія основной характеръ всей философской мысли послѣдняго періода. Общее же направленіе сводится къ слѣдующимъ главнымъ принципамъ. *Положительная наука должна руководствоваться закономъ механической причинности и стоять на твердой почвѣ чистаго опыта. Но одинъ опытъ не въ состояніи охватить весь объемъ чловѣческой жизни и практической дѣятельности. Посредствомъ критическаго анализа нашихъ познавательныхъ способностей теорія познанія показала, что теоретическая сфера нашего познанія ограничена. И тѣмъ, что теорія познанія сознательно по-*

---

*) Ibid. S. 26.

ставила границу теоретическому разуму и чистому опыту, она открыла новый, критический путь, ведущий къ метафизикѣ и религіи. Не трудно замѣтить, что эти положенія представляютъ собою ни что иное, какъ окончательный результатъ философіи Канта, результатъ, который кратко и ясно былъ сформулированъ отцомъ критицизма въ извѣстныхъ его словахъ: «Ich musste also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen».

Въ заключеніе этой главы мы считаемъ нелишнимъ отмѣтить чрезвычайно характерное и весьма поучительное явленіе въ историческомъ движеніи кантіанской мысли второй половины XIX столѣтія. Когда Отто Либманъ въ 1865 году заканчивалъ каждую главу книги «Kant und die Epigonen» страстнымъ восклицаніемъ: «Also muss auf Kant zurückgegangen werden», то авторъ этого горячаго призыва имѣлъ въ виду противопоставить критическую философію метафизикѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Съ точки зрѣнія Отто Либмана, какъ и съ точки зрѣнія другихъ возобновителей критицизма, ученіе Канта должно было служить спасительной, отрезвляющей силой отъ той необузданной спекуляціи, до которой дошелъ нѣмецкій идеализмъ въ нѣкоторыхъ его представителяхъ. Стоило, поэтому, въ то время доказать, что Кантъ былъ настоящимъ защитникомъ вѣры и религіи, что онъ бытія божія вовсе не опровергъ, а, наоборотъ, своимъ *способомъ* опроверженія укрѣпилъ позицію бога, что «Критика практическаго разума» является естественнымъ продолженіемъ «Критики чистаго разума», и что Фихте, слѣдовательно, сдѣлалъ настоящіе, логическіе выводы изъ этого ученія—дѣло критики и опроверженія системы Канта было бы признано вполне законченнымъ и исчерпаннымъ. Въ настоящее же время подобнаго рода доводы никого смутить не въ состояніи. Современные сторонники Канта совершенно сознательно и съ яснымъ пониманіемъ критицизма возрождаютъ въ немъ именно эти же отрицательныя, реакціонныя стороны. Ихъ не страшитъ ни деизмъ, ни опровергнутый и высмѣянный категорическій императивъ, ни нелѣпость субъективнаго идеализма. Напротивъ того, Паульсенъ зоветъ къ кантовскому богу; Зиммель защищаетъ со всей силой своего схоластическаго ума категорическій императивъ; Виндельбандъ и Зигвартъ сильно приближаются

къ Фихте; Рикертъ и всѣ представители имманентной школы возрождаютъ субъективный идеализмъ, объявляя это міровоззрѣніе единственно позитивнымъ и единственно *не метафизическимъ*. Однимъ словомъ, произошло странное и, на первый взглядъ, удивительное движеніе мысли. Критицизмъ, возрожденный съ цѣлью служить орудіемъ въ борьбѣ съ идеализмомъ, обнаруживаетъ въ послѣдствіи свою собственную идеалистическую природу. Это ученіе проявляетъ, такимъ образомъ, то самое содержаніе, противъ котораго оно должно было вступить въ борьбу. Намъ бы завело слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли разсматривать здѣсь коренныя историческія причины этого противорѣчиваго движенія мысли. Но съ точки зрѣнія исторіи философіи это явленіе объясняется тѣмъ простымъ и очевиднымъ фактомъ, что всѣ элементы нѣмецкаго идеализма XIX столѣтія берутъ свое начало именно въ ученіи Канта—въ апіоризмъ съ одной стороны, и въ вещи въ себѣ съ другой. А разъ критицизмъ былъ возрожденъ, то вполне естественно, что онъ пошелъ по своей метафизической линіи. Но, конечно, съ той великой разницею, что, какъ всякая цѣлостно возрожденная старая теорія, критическая философія во второмъ изданіи выступаетъ и оказываетъ свое главное вліяніе своими отжившими, реакціонными сторонами. Въ слѣдствіе этого его запоздавшіе эпигоны лишены истинно творческой прогрессивной силы, живой плодотворной мысли и всякаго смѣлаго полета. Не обращая вниманія на выводы современной науки, не имѣя мужества идти впередъ, они все болѣе и болѣе погружаются въ безысходный скептицизмъ, который не даетъ имъ ни жить, ни умереть. И чтобы избавиться отъ философскаго гамлетизма, они судорожно хватаются за сверхъопытный міропорядокъ, какъ утопающій за соломинку. Но слѣдуетъ, однако, отдать справедливость буржуазнымъ представителямъ кантіанства: не закрывая глазъ на реакціонное содержаніе критической философіи и нисколько не стѣняясь его реакціоннаго содержанія, они правильно поняли внутренній смыслъ этого ученія.
